

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=Рус)
К 20

Капец О.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: Kapec.O.V.@gmail.com

Шишхова Н.М.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: sessvetla@mail.ru

Философская проблематика романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Рецензирована)

Аннотация:

На материале философских концепций И.Канта и текста последнего романа Ф.М. Достоевского исследуется область возможного сопряжения двух мировоззренческих генерализаций. Не предполагая, что Кант своей постановкой гносеологических проблем стимулировал русского писателя к заимствованию у немецкого философа его базовых идей и аргументаций: процесс взаимодействия этих двух гениев представляется более сложным и извилистым. Поэтому делается акцент на том, каким образом сформулированы Кантом те высшие идеи разума, именуемые им трансцендентальными, которые для Достоевского-мыслителя, независимо от кого-либо, оказывались основополагающей проблемой. Предпринимается попытка проанализировать этот процесс, представить наблюдения, сделанные в ходе исследования, сформулировать возможные схождения. Установлено, что в исследуемом процессе И. Кант выступает как символ морали, исходящей из теоретического разума, из интеллекта. В своеобразном поединке Достоевский же постулируется как символ ума, тесно связанного с душевными глубинами человека, с его «горячим сердцем», писательским термином, имеющим широкий семантический спектр.

Ключевые слова:

Антонимия, контроверза, карамазовщина, тезис, антитезис, бессмертие, диалектика.

Kapets O.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: Kapec.O.V.@gmail.com

Shishkhova N.M.

PhD in History, Associate Professor, Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: sessvetla@mail.ru

Philosophical problems of F.M. Dostoevsky 's novel “The Brothers Karamazov”

Abstract:

The material of the philosophical concepts of I.Kant and the text of the last novel by F.M. Dostoyevsky are used to explore the field of possible interfacing of two worldview generalizations. The authors do not suggest that Kant, by his production of gnoseological problems, encouraged the Russian writer to borrow his basic ideas and arguments from the German philosopher. The process of interaction between these two geniuses seems to them to be more complex and winding. Therefore, the authors emphasize the way in which Kant formulated those higher ideas of mind, referred to by him as transcendental, which for the Dostoevsky thinker, regardless of anyone, proved to be a fundamental problem. An attempt is undertaken to analyze this process, to present the observations made during the study, and to formulate possible convergences. The authors conclude that in the process under study, I. Kant acts as a symbol of morality, coming from a theoretical mind, from intelligence. In a kind of duel Dostoevsky is postulated as a symbol of mind, closely connected with mental depths of a person, with his "hot heart," a writing term having a wide semantic spectrum.

Keywords:

Antonymy, counterverse, Karamazovschina, thesis, antithesis, immortality, dialectics.

«Братья Карамазовы» – самое богатое по содержанию, обильное гениальными мыслями произведение Достоевского. Н. Бердяев говорил, что Достоевский прежде всего «великий антрополог, исследователь человеческой природы, ее глубин и ее тайн». Главный участник этого «эксперимента» в «Братьях Карамазовых» - Иван Карамазов, названный Бердяевым «мировой загадкой» [6: 229].

У романа Достоевского много философских аспектов. В центре исследования один из них – связь романа Достоевского с основными положениями учения Канта об антонимах как о якобы неразрешимых противоречиях чистого разума, а также определение роли, которую сыграло для Достоевского знакомство с философией Канта при написании романа «Братья Карамазовы».

Имя Канта нигде в романе не упомянуто, но, по мнению некоторых исследователей (в частности, Я. Голосовкера), автор «Братьев Карамазовых» не только был знаком с антитетикой «Критики чистого разума», но и придумал ее. Более того, он, отчасти сообразуясь с ней, развил свои доводы на страницах романа, где помимо прочих, поставлены проблемы «дуализма, контрверзы»

(этот термин взят из «Критики...», в «Братьях Карамазовых» есть глава «Контроверза», что значит - противоречие) и диалектики (например, центральная и несущая в себе огромное смысловое содержание часть произведения под названием «Pro u contra»). Да и сам Иван Карамазов оказывается не только героем романа, но «он еще мыслитель – диалектический герой кантовых антиномий» [2: 34].

Синтетизм и философичность русской культуры – важная особенность, которую необходимо учитывать при анализе творчества ведущих писателей XIX в. По свидетельству исследователей, Достоевский был хорошо знаком с западной философией, в том числе с классической немецкой. Об интересе к философии свидетельствует тот факт, что в одном из своих писем брату Михаилу Достоевский просит его прислать философские труды Канта и Гегеля, заявив: «С этим вся моя будущность соединена» [8:3].

Достоевского часто сопоставляли с Ницше, потому что многие страницы его произведений предвосхищают излюбленные мысли этого немецкого философа. Но «для Достоевского идеи Ницше были только одним из непревзойденных этапов

умственного развития. И если уж сопоставлять писателя с кем-либо из философов Запада то, скорее всего, с величайшим из философов нового времени - Кантом» [6:128-129]. Объединяет Достоевского с Кантом гуманизм. Человек - центральное понятие, как для Канта, так и для Достоевского, все остальные вопросы решаются ими применительно к этому главному. Именно начиная с Канта в философии развивалась своеобразная концепция человека, по которой он предстает высшей ценностью в мире и целью философии.

Кант первым обратил внимание на человеческие возможности, которые представлялись ему безграничными. Философ понял, что человек не прост, а чрезвычайно сложен, он содержит в себе в качестве возможности добро и зло, его природа двойственна.

Идея двойственности берет свое начало в христианстве: будучи сотворен Богом, человек подобен ему, но после грехопадения стал подвластен порокам, которые влекут его к дьяволу. Человек как бы стоит на грани двух миров: царства духа и царства материи и принадлежит обоим мирам сразу. У Канта это мир эмпирический и мир умопостигаемый, чувственный и сверхчувственный, мир феноменов, преподносящих вещи, как они являются субъекту, а не какковы они сами по себе, и мир ноуменов дающих представления о вещах, какие они есть. В качестве чувственного существа человек познает мир интуитивно, непосредственно и подчиняется законам пространства, времени и причины; как существо умопостигаемое - он свободен и сам ставит перед собой цели.

С одной стороны, человек - явление (эмпирическое), а с другой - «вещь в себе» (трансцендентальное, т.е. то, что предшествует опыту и недоступно научному познанию). Противоречивый характер этих двух начал определяет сущность и все стороны деятельности человека. Двойственность человеческая

заключена уже в самом понятии «карамазовщины». Карамазовщина - это две бездны: бездна вверху и бездна внизу, и чем глубже падение, тем сильнее желание возвыситься, обрести Бога.

Законы разума, по мнению Достоевского, не могут удержать человека в границах нормального социального поведения. Писатель говорит о непредсказуемости человека, о том, что человеческая воля может оказаться преградой на пути к регламентированному обществу. Человек - существо иррациональное. Человек - не арифметика, человек - существо проблематичное и загадочное. Его природа полярна и антиномична до самого конца. «Антиномия» буквально означает «конфликт законов». Четыре знаменитые кантовские антиномии из второй книги «Трансцендентальной диалектики», его многопланового труда «Критика чистого разума», - это парные диалектические утверждения, сформулированные как тезис и антитезис, которые опыт - по мнению Канта - ни подтвердить, ни опровергнуть не может и с которыми разум якобы бессилён расстаться. «Канту известно, что в разуме нашем таится иллюзия, которая рисует действительность там, где нет ничего и, таким образом, рождает непримиримое противоречие между двумя истинами. Такое противоречие возникает вследствие того, что мы критерий абсолютного, вневременного, приложимый к миру вещей в себе (к тезису), применяем к миру опыта, где возникает, проходит и только кажется, но где ничего вечного нет (т.е. к антитезису). Хотя Кант считает спор антиномий пустым делом, тем не менее, зная об аллюзии разума, он разрешает спор противоречий своеобразным «примирением» друг с другом: если смотреть с точки зрения умопостигаемой, то прав тезис, если с точки зрения эмпирической - антитезис,

то есть оба одновременно правы, то есть «налицо полная и безупречная доказанность этих уничтожающих друг друга ответов» [7: 77].

Тезис

1. Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве.

2. Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей и, вообще, существует только простое и то, что сложено из простого.

3. Причинность, согласно законам природы, есть не единственная причинность, из которой могут быть выведены вся явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность.

4. К миру принадлежит или как часть его, или как его причина, безусловно необходимое существо.

Если полагать, что – по Канту – речь в тезисе идет о «краеугольных камнях» науки, морали и религии, а в антитезисе – о «краеугольных камнях» науки, то о тех же «краеугольных камнях» речь идет и

Тезис

1. Сотворен ли мир и кончен?
2. Есть ли бессмертие?
3. Свободна ли воля человека?
4. Есть Бог и творец мира?

Во всей своей обнаженности в «Братьях Карамазовых» стоит четвертая антиномия – ее тезис и антитезис – есть Бог или нет Бога? Именно через противоположные ответы двух братьев – Ивана и Алеши – на вопрос отца «Есть Бог или

Четыре утвердительных ответа (тезисы) и четыре отрицательных ответа (антитезисы) образуют четыре антиномии:

Антитезис

1. Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен как во времени, так и в пространстве.

2. Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей и, вообще, в мире нет ничего простого.

3. Не существует никакой свободы, но все совершается в мире только согласно законам природы.

4. Нет никакого абсолютно необходимого существа ни в мире, ни вне мира, как его причины.

в «Братьях Карамазовых» [2:38-39].

Теперь представим кантовские антиномии в интерпретации Ф. Достоевского в романе в более простой и вопросительной форме:

Антитезис

1. Мир вечен и бесконечен?
2. Бессмертия нет и все делимо и разрушаемо?
3. Нет свободы, а есть одна естественная необходимость (закон природы)?
4. Нет Бога и творца?

нет?» раскрывается сущность этой антиномии в главе «За коньячком» на вопрос отца Алеши дает положительный ответ, Иван же полностью отрицает существование Бога.

Наивная, непосредственная вера Иваном утрачена, он вызывает

жизнь на своеобразный суд разума. От своего отца этот «всех более похожий на него» сын унаследовал рассудок, причем, во всей его карамазовской безудержности. Рассудок возведен у Ивана в принцип жизни, и со всей необузданностью настоящей страсти требует он от жизни рационального смысла. Но, увы, рассудком человек не в состоянии понять недоказуемые вещи. В «Критике чистого разума» И. Кант отстаивает мысль, что ни свобода человека как эмпирического существа, ни его бессмертие, ни существование Бога не могут быть доказаны. Но не доказуемые теоретически, убеждения эти – в существовании свободы, бессмертия и Бога – Кант объявляет необходимыми требованиями (постулатами) «практического» разума, а «разум практичен только тогда, когда он не ограничен. То, что в сфере ноуменальной было теоретически неприемлемым, вполне приемлемо в практике». Но и это суждение Канта, вероятно, слишком умозрительно для Достоевского.

«Проблема Бога решается писателем в полном соответствии с философией Канта, постулирующей Бога как единственно возможную основу нравственного закона. Человек является бесконечной ценностью потому, что обладает нравственным сознанием. И только когда в нравственном сознании отражается Божественный разум, тогда он сообщает свою бесконечную ценность и носителю нравственного сознания – человеку» [6: 132].

Голосовкер в своей известной монографии пишет: «Это Кантово положение о том, что без Бога моральные идеи теряют всякое значение, не сходит со страниц романа» [2].

«А меня Бог мучит, - говорит Митя Карамазов. – А что как его нет? Что если прав Ракитин, что это идея искусственная в человечестве? Тогда, если его нет, то человек шеф земли, мироздания... Только как он будет добродетелен без Бога-то? Вопрос!» [3: 242].

Четвертая антиномия о существовании Бога тесно переплетается со второй о бессмертии, а потому и рассматривать эти идеи необходимо в совокупности. И. Кант утверждает, что признание бессмертия души необходимо, потому, что бесконечный прогресс возможен только при условии существования, продолжающегося в бесконечность. Все в том же споре «за коньячком» Алеша утверждает, что есть и Бог, и бессмертие «В Боге и бессмертие». После противоречивых ответов сыновей сомнения терзают пьяного Федора Павловича: «То есть совершеннейший нуль или нечто? Может быть нечто какое-нибудь есть? Все же не ничто!» [3: 98].

Госпожу Хохлакову, которая сильно возмущалась после смерти Зосимы тем, что «старец пропал», и которая «не ожидала от него такого проступка», сильно мучает мысль о бессмертии души. Госпожа Хохлакова не философ, но антиномии, по Канту, волнуют всякий человеческий разум, даже не очень развитый. «Будущая жизнь – такая загадка!» - говорит Зосиме Хохлакова. «...Умру, и вдруг ничего нет, и только «вырастет лопух на могиле», как прочитала я у одного писателя... Чем же доказать, чем убедиться?» [3: 58]. Старец Зосима отвечает госпоже Хохлаковой, что доказать тут ничего нельзя, а можно убедиться лишь «опытом деятельной любви».

Действительно, Бог в христианстве – это любовь, любовь, которая одна только может помочь уверовать в бессмертие и в Бога. И в этом убежден Достоевский, убежден сердцем и душой, а не умозрительно, как Кант. Достоевский в «Дневнике писателя» пишет: «Я объявляю, что любовь к человечеству даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают» [4: 28].

Таким образом, проблемы бессмертия и Бога вытекают у Достоевского из проблем человеческой судьбы. И Бог, и бессмертие раскрываются в обществе через отношения людей друг к другу, через любовь человеческую. Вопрос о слезинке ребенка тоже поставлен человеческой мятущейся любовью. И получается, что Иван Карамазов явно олицетворяет антитезис кантовских антиномий, отрицая Бога и бессмертие, тайно же воплощает в себе тезис, воспевая, по словам брата Алеши, в своей «Легенде о Великом Инквизиторе» Бога и любя жизнь прежде ее логики, прежде ее смысла, храня в памяти незабываемые впечатления от распускающихся «келейных листочков» и любви к человеку, иногда совсем непонятной и взявшейся неизвестно откуда. Но в своей исповеди Алеше Иван смиренно сознается, что у него «нет никаких способностей разрешить такие вопросы (т. е. вопросы о существовании Бога, а, следовательно, и бессмертия), что у него «ум эвклидовский, земной» (т.е. эмпирический), «а потому, где нам решать о том, что не от мира сего». «Не от мира сего» - это, скорее всего, мир «вещей в себе», непознаваемый, по Канту, как мир, лежащий вне человеческого опыта.

«Эвклидовский ум» у Достоевского – это все равно что рассудок вообще у Канта, рассудок, бессильный познать что-либо за пределами опыта. Итак, Иван Федорович в точности повторил Канта, лексиконом Достоевского, о непознаваемости для рассудка умопостигаемого мира, т.е. космологических идей тезиса. Писатель как философ уверен, что кроме разума существуют источники опыта чувства и сердца. Вне зависимости от разума чувство способно проникать в самые сложные явления, поскольку в нем заключено высшее знание – знание нравственное. Рассуждая в «Кроткой» о том, откуда берется это знание, Достоевский приходит к выводу, что нравственное чувство уже дано самой жизнью. И

Гарин пишет: «Представьте себе, что Достоевский убежден в существовании особых легких, которыми можно «дышать Богом» (или впитывать в себя всю целостность бытия, не раскалывая ее на отдельные категории и проблемы)» [1: 118].

Иван советует Алеше никогда не думать о таких вопросах, как есть ли Бог и бессмертие или нет, а сам только об этом и думает и остается в мире неразрешимого для него противоречия антиномий. Эту двойственность, переход из одной крайности в другую – от тезиса к антитезису и обратно – подмечают у Ивана в романе двое: «персонифицированный Тезис персонифицированный Анти-тезис: старец Зосима и семинарист Раkitин» [2: 64].

Например, первая редакция философской статьи Ивана Федоровича, этот своеобразный манифест антитезиса, что любовь к человеку проистекает не от «закона естественного» (от антитезиса), а от веры в свое бессмертие (от тезиса), и если уничтожить веру в бессмертие, то уничтожается и любовь, и нравственность и все будет позволено. Когда Иван Карамазов подтверждает только что им сказанное «Нет добродетели, если нет бессмертия», старец Зосима раскрывает весь безысходный антиномизм Ивана: «Идея эта – «нет добродетели, если нет бессмертия...» еще не решена в вашем сердце и мучает его. Но и мученик любит иногда забавляться своим отчаянием, как бы тоже от отчаяния. В вас этот вопрос не решен, и в этом великое горе, ибо настоятельно требует разрешения» [3: 73].

Антиномизм Ивана разгадан и сформулирован старцем полно и четко, будто лучшим знатоком «Анти-теттики» Канта. И это происходит почти в самом начале романа (книга вторая). Здесь указана кантовская основа всей муки Ивана: и то, что «бессмертие» и «все позволено» (т.е. тезис и антитезис) здесь только идеи, что все аргументы Ивана – лишь блестящая диалектика, что

вопрос им не решен ни в сторону тезиса, ни в сторону антитезиса и что если он не решится в сторону тезиса, то в сторону антитезиса никогда не решится, несмотря на манифестирование этого антитезиса Иваном как его кредо. Слова *идея* и *диалектика*, вложенные автором в уста Зосимы, это «космологические идеи» антиномий и диалектики чистого разума Канта.

Противоречие, которое разгадал в Иване Зосима, «раскусил» в нем и Ракитин, по-своему, конечно, его истолковав: «...Иван теперь богословские статейки пока в шутку по какому-то глупейшему неизвестному расчету печатает, будучи сам атеистом, и в подлости этой сам сознается», сладострастник, стяжатель, а юродствует; «...от братца Мити невесту себе отбивает и все это при всем своем благородстве», «сам подлость свою сознает и сам в подлость лезет», «хвастунишка, а суть-то вся: с одной стороны, нельзя не признаться, а с другой – нельзя не сознаться!», т.е. опять-таки Ракитин улавливает в Иване, но уже в низменном плане, все ту же борьбу Тезиса с Антитезисом.

И Алеша постигает муку Ивана, как муку не только глубокой совести, но и разума, когда говорит: «Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить» [3: 85]. В главе «За коньячком» на вопрос Федора Павловича «есть Бог или нет Бога?» Кантова антиномия (которая и есть все та же мысль Ивана, не дающая ему покоя) разрешается Иваном категорически в сторону антитезиса: «Нет Бога и нет Бессмертия! Никакого!». Но уже в беседе с чертом сам Иван задает этот же вопрос черту; причем «со свирепой настойчивостью»: «Есть Бог или нет?», и на этот животрепещущий, мучающий своей недосказанностью вопрос, черт отвечает также неопределенно: «Голубчик мой, ей-богу не знаю...» [3: 658].

«Если бы человек, - пишет Кант, - мог отказаться от всякого интереса

и рассматривать утверждения разума независимо от всех последствий их, только со стороны их оснований (т.е. чисто теоретически)», то он впал бы в состояние постоянного колебания, если бы не находил иного выхода, как принять или первое (т.е. тезис), или второе (т.е. антитезис) из борющихся учений. Сегодня ему казалось бы убедительным, что человеческая воля свободна, а завтра, принимая во внимание неразрывную цепь природы, он полагал бы, что свобода есть лишь самообман, и все есть только природа (т.е. необходимость)» [5: 463].

Раздвоенность Ивана доводит его самого до безумного состояния, до какого-то невероятного исступления, в котором он пишет свою знаменитую «Легенду о Великом Инквизиторе». Выслушав эту легенду, Алеша, целостно воспринимающий жизнь, с неподдельной горечью спрашивает брата о том, неужели модно жить «с таким адом в груди и в голове»!?

Таким образом, мы подошли к третьей антиномии Канта о свободе воли, которая наиболее яркое воплощение нашла в притче Ивана о Великом Инквизиторе. Согласно философской системе Канта, в качестве эмпирического характера индивидуум в своей волевой деятельности обусловлен естественной необходимостью. Умопостигаемый характер, по Канту, это разум, действующий согласно своим идеям. Разум может самостоятельно начинать ряд событий. Способность самостоятельно, т.е. без принуждения, начинать ряд событий – свобода. Поэтому умопостигаемый характер (разум) обладает свободной причинностью. От разума исходят императивы и, являясь свободной причинностью, обнаруживаются через эмпирический характер не как действия, а как независимое правило в действии: ты должен поступить так-то. Это правило в действии есть мотив воли.

Акты воли, как проявления этого эмпирического характера,

определены эмпирическими условиями: однако нам кажется, что и акты определяются идеями разума, его умопостигаемым характером. Отсюда и возникает противоречие.

По мнению Канта, непримиримое противоречие произошло вследствие смешения двух планов – вневременного (мира умопостигаемых идей) и временного (мира явлений). Но если не смешивать два плана – вечный с преходящим, то свобода может, например, соединяться в одно и то же время без всякого противоречия в одном и том же акте с естественной необходимостью.

Для Канта никакого подлинного противоречия тут нет. Их противоречие мнимое: оба они могут сосуществовать, одно – как выражение тезиса, и другое – как выражение антитезиса. Но Иван Карамазов не идет на компромисс, он мятущаяся душа, которая твердо намерена найти истину. Одолеваемый противоречиями, Иван пишет «Легенду о Великом Инквизиторе», которая представляет собой одно из изложений философии свободы. Три искупления Сатаны в пустыне, являющиеся главной темой легенды, это три способа отрицания свободы: через удовлетворение физических потребностей (искушение хлебами); через утоление раз и навсегда стремления к знанию (искушение чудом); через успокоение воли (искушение земным царством, или авторитетом). Перед человеком и человечеством две возможности: или быть свободным в своем жизненном выборе, в своей любви, или же лишиться своей свободы.

В «Легенде» идет спор о человеке, его сущности и его возможностях, о результатах содеянного им. Спор между носителем Зла и носителем Добра. Сущность Великого Инквизитора в отрицании свободы как тяжкого бремени, возложенного на человека. Он видит в человеческой природе лишь подлость, злость, низость. Человек, по его мнению, слаб и не в силах сопротивляться греху.

«Рожденный» в «больном», мятущемся сознании Ивана Карамазова, Инквизитор повторяет его мысли: «... действительно, человек выдумал Бога». И не то странно, не то было бы дивно, что Бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль о необходимости Бога могла залезть в голову такому дикому и злему животному, как человек...» [3: 241].

По Канту, зло – это проявление естественного в человеке, того, что связывает его с природой, животным миром, чтобы обрести веру в духовный мир человека, его высокое предназначение и возможности. Старания же Инквизитора направлены на то, чтобы обеспечить людям низменное счастье слабосильных существ.

Презрев все три искушения, Христос спас людей от «духа самоуничтожения и небытия» и вывел их на путь свободы, который вместе с тем и есть путь настоящего, истинного бытия. Великий Инквизитор не идет этим путем, он противопоставляет свободе идеал блага, или счастья: «Мы дадим им тихое смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они созданы». В этом и заключается его стремление исправить подвиг Христа, ибо свобода есть «страшный дар», мешающий человеческому счастью, и даже противоречащий ему: «Человек был устроен бунтовщиком, разве бунтовщики могут быть счастливыми?», «У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей повсеместно», «Ибо ничего и никогда не было для человека невыносимее свободы», которая «тебе дороже всего» [3: 260].

Но Иван, который сочинил эту легенду и выдумал самого Инквизитора, – сам бунтовщик, мятущаяся противоречивая душа. Сомнительным же представляется Алеше понимание свободы, высказанное Ивановым в притче, в которой Инквизитор пытается ОСВОБОДИТЬ ОТ СВОБОДЫ! «Но это нелепость! – вскрикнул

Алеша, краснея. – Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того. И кто тебе поверит о свободе? Так ли, так ли надо ее понимать?» Конечно не так. Ведь соглашается же Иван, совсем не сознавая того, где-то в самых потаенных уголках души своей, с Алешей, и только пытливый, не устающий приводить свои аргументы разум мешает понять эту истину.

Читая «Критику чистого разума», особенно его «Антитетику», написанную в формально-логическом плане, Достоевский снимал этот формально-логический план, как пустую игру интеллектуала, на что указывал сам Кант. Этот план ничего не говорит ни сердцу, ни совести Достоевского. Его ум не мог оставаться только в плане космологического характера антиномий, имеющих чисто научное значение. Он немедленно

но переводил их, эти антиномии, в план морально-религиозный.

Неверно было бы предполагать, что Кант своей постановкой гносеологических проблем стимулировал Достоевского или что Достоевский заимствовал от Канта его философские идеи и аргументы. Кант только искусным образом сумел сформулировать те высшие идеи разума, именуемые им трансцендентальными, которые для Достоевского-мыслителя независимо от Канта, оказались основополагающей проблемой и его интеллектуальной трагедией. Иммануил Кант выступает как символ морали, исходящей из теоретического разума, из интеллекта. В своеобразном поединке с Кантом, Достоевский выступает как символ ума, исходящего из душевной глубины, из этики «горячего сердца».

Примечания:

1. Гарин И.И. Многоликий Достоевский. Москва, 1997.
2. Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Москва, 1963.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Москва, 1999.
4. Достоевский Ф.М. Возвращение человека. Москва, 1989.
5. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. Москва, 1994.
6. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 гг.: сб. ст. Москва, 1990.
7. Ойзерман Т.И. Философия Канта и современность. Москва, 1975.
8. Пачини Д. О философии Достоевского. Москва, 1992.

References:

1. Garin I.I. The many-faced Dostoevsky. Moscow, 1997.
2. Golosovker Ya.E. Dostoevsky and Kant. Moscow, 1963.
3. Dostoevsky F.M. Karamazov Brothers. Moscow, 1999.
4. Dostoevsky F.M. The return of a man. Moscow, 1989.
5. Kant I. Coll. of works: in 8 vol. Vol. 6. Moscow, 1994.
6. About Dostoevsky. Creativity of Dostoevsky in the Russian thought of 1881-1931: coll. of works. Moscow, 1990.
7. Oizerman T.I. Kant's philosophy and modernity. Moscow, 1975.
8. Pachini D. On the philosophy of Dostoevsky. Moscow, 1992.